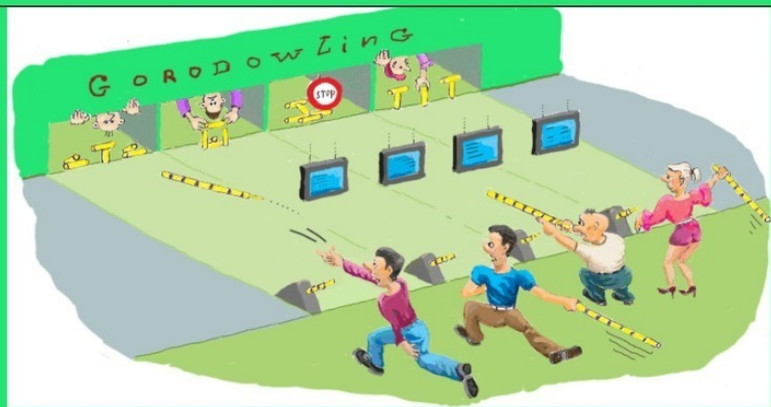

Александр Ковалев

Нет причин не улыбнуться

зарисовки с натуры, окрашенные
юмором

Александр Ковалев
Нет причин не улыбнуться.
Зарисовки с натуры,
окрашенные юмором

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39854417
ISBN 9785449372437*

Аннотация

Трудно поверить в реальность описываемых автором событий. Уж очень они кажутся неправдоподобными. Однако, ни один сюжет не выдуман. Как истинный художник на пленэре, он пишет свои рассказы с натуры. Поэтому герои такие живые и непосредственные, а концовки непредсказуемые. Временной диапазон историй очень широк. От СССР до наших дней. А возраст персонажей – от школьного до пенсионного. Все рассказы очень добрые, атмосферные в них нет агрессии и ядовитого сарказма, а персонажи вызывают сопереживание.

Содержание

ПЫЛЕСОС	7
АЭРОПОРТ	14
БРОЙЛЕРЫ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Нет причин не улыбнуться
Зарисовки с натуры,
окрашенные юмором**

Александр Ковалев

Иллюстратор Александр Владимирович Ковалев

© Александр Ковалев, 2018

© Александр Владимирович Ковалев, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-7243-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Ковалев родился в г. Ейске. С 1994 года проживает в г. Москве. Закончил Новосибирский электротехнический институт связи по специальности «радиосвязь и радиовещание». Работал в областях космической связи, телевидения, инновационного вещания. Заканчивал трудовую деятельность в газовой промышленности. Женат, имеет двоих детей. Отец – участник Великой Отечественной войны, на-

гражден боевыми орденами и медалями. Мать – кавалер Ордена Трудового Красного Знамени. С пером и кистью автор дружит с детства. Богатый событиями жизненный путь позволил ему собрать большую коллекцию анекдотических историй, которыми он щедро делится с читателями. Первая книга А. Ковалева «Так бывает» вышла в свет в 2015 г.

ПЫЛЕСОС

Надежкин был положительным человеком. Родился и был воспитан в обычной, но хорошей и любящей семье. По характеру излишне добрый и мягкий, он и атлетическим сложением не отличался. Ален Делоном назвать его тоже было нельзя, но и не страшок. Никогда не пробовал алкоголь и тем более не курил, а если видел людей, заливающих из граненого стакана в глотку собственного пищевода «огненную воду», то искренне ужасался такому зрелищу. Над ним посмеивались и даже издевались.

Обидеть такого всегда считалось великим грехом на Ру-

си! Однако в Советском Союзе нашлись таковые, несмотря на то, что «строго следовали» моральному кодексу строителя коммунизма и по линии партийных и профсоюзных органов к ним претензий не было.

Закончив учебу в институте, женившись и приняв активное участие в появлении на свет дочери, Надежкин и свою собственную семью пытался строить по аналогии с семьей своих родителей – на принципах взаимной любви, трудолюбия и общих интересов.

По причине слабых характеристик, он совершенно не мог командовать, требовать или просто настаивать на своем. Его нельзя было представить спорящим с кем-то о чем-то с пеной на губах или сквернословящим, а уж ударить человека и вовсе было за пределами его понимания.

В противовес всем этим отсутствующим у него качествам и чертам характера, он мог предложить лишь «метод личного примера», который он считал наиболее действенным, не насильственным и единственно правильным. Именно этот метод главенствовал у его родителей, которые были неразлучны и все делали вместе. Отец не чурался браться и за женскую работу, после чего мать всегда присоединялась к нему и постепенно вытесняла его из процесса, а отец принимался за следующий, уже мужской фронт работ. Все это получалось у них играючи и выходило, как бы само собой разумеющимся. «Ведь так и должно быть в семье – ячейке общества коммунистического завтра!», – ошибочно думал маленький

Надежкин.

Естественно, став семейным, он начал применять метод личного примера в отношении собственной супруги. Когда требовалось произвести в квартире давно не делавшуюся уборку, он брал в руки швабру и начинал убираться сам. В первое время он был абсолютно уверен в том, что его дражайшая супруга моментально метнется с постели и, обгоняя его, начнет протирать пыль с мебели. Если пора было готовить обед, то он начинал чистить картошку в надежде на то, что жена тут же бросится кипятить воду. Когда надо было вести дочку на прогулку, он начинал ее одевать в надежде на то, что его супруга подскочит с дивана и со словами: «Кто так одевает ребенка? Вот как надо одевать!». Он все надеялся, что в один прекрасный момент она, пронявшись его личным примером, запорхнет рядом и весело защебечет, как часто делала его мама в детстве. Одним словом, Надежкин оправдывал свою фамилию на сто процентов. Он надеялся и ждал, что рано или поздно его метод заработает.

Однако, как ни старался Надежкин, метод личного примера в отношении его ненаглядной не работал в принципе. Жена имела к нему устойчивый иммунитет. Как только он начинал его демонстрировать, она тихонечко ускользала из квартиры, чтобы не мешать.

Ждать от нее отклика на личный пример было все равно, что верить в кристальную честность гаишника, задекларировавшего «бабки» срубленные на «большой дороге».

В одиночку он заканчивал уборку, в одиночку варил обед, а уж ежедневное мытье посуды и стирка стали его прямыми обязанностями. Супруге и этого казалось мало. Даже подмывать дочку приходилось Надежкину, несмотря на то, что по мере взросления девочки они оба начинали стесняться этого. Ему стыдно было признаться самому себе в том, что он перестал гладить белье. Не успевал, а ведь у них в семье не только гладили, но и крахмалили белье. Он пытался представить свою законную жену, ловко орудующей электрическим утюжком, и не мог.

Правда, иногда она оправдывала свое безделье отсутствием пылесоса. Это была достаточно дефицитная вещь в то время, и в их маленьком городке купить ее было проблематично. Надежкин входил в ее положение и винил себя за то, что не может достать по блату пылесос. Смиренно выслушивал претензии от жены на предмет того, что не является пробивным, и соглашался с ней.

«Ну, а что же супруга?», – вправе спросить читатель. Да, у нее было хобби, но об этом чуть ниже.

Тем не менее, свою жизнь Надежкин считал вполне сложившейся и не чаял души ни в обожаемой супруге, ни в маленькой дочке.

Вот почему, оказавшись в командировке в Краевом центре, он все свободное время посвящал поискам этого самого пылесоса, объезжая на троллейбусе отдаленные универмаги Хабаровска. И чудо свершилось! Уже к самому закрытию од-

ного из магазинов как раз в последний день квартала пылесосы «выбросили» в продажу. После короткой, но ожесточенной схватки у прилавка, он, наконец-то, выбрался на улицу, отягощенный приятной ношей и лишившийся пары пуговиц на пальто.

Восторг распирает его. Еще никогда в жизни он с такой радостью не расставался с деньгами! И деньгами немалыми, учитывая его зарплату рядового инженера. Вот это будет сюрприз супруге! Ведь она и подумать не может, что он вернется из командировки с пылесосом.

Надежкин был абсолютно уверен в том, что их жизнь кардинально изменится с приобретением этого предмета быта. И она действительно изменилась!

Вернувшись рано утром из поездки в Хабаровск и подойдя к дверям своей квартиры на третьем этаже, он поставил коробку с пылесосом под дверь, нажал кнопку звонка, а сам, расплывшись в довольной улыбке, спрятался под лестницей.

«Если уж пылесос сам по себе сюрприз, то и преподнести его надо как-то необычно», – наивно полагал Надежкин. По его мнению, обожаемая супруга должна была сначала зайти в поросычем восторге от вида коробки с пылесосом, а потом броситься ему на шею одарив поцелуем, тем самым дав надежду на продолжение, которое было весьма желательным, учитывая его продолжительное отсутствие.

Простояв под лестницей некоторое время, Надежкин был вынужден выбраться из-под нее, снова подойти к двери и по-

звонить второй раз. Наконец, за дверью раздались шаги.

Просунув непричесанную голову в щель слегка приоткрытой двери, не обратив никакого внимания на стоящую на пороге коробку, жена произнесла: «А, ты приехал? Забери дочку с улицы».

Слегка ошарашенный таким «теплым» приемом, но не почувствовавший никакого подвоха Надежкин со словами: – Погоди, дай прийти в себя с дороги! – втокнул ногой коробку пылесоса в тесный коридорчик их хрущевки, а сам разулся и вышел на балкон, чтобы посмотреть вниз и поискать глазами дочку. Дочки нигде не было. Он резко развернулся, собираясь вернуться в комнату, и тут справа от балконной двери внизу увидел его, сидящего на корточках в трусах. Из хромовых сапог торчали голые ноги.

Сначала был естественный испуг при виде чужого человека в своей квартире и в таком месте. «Грабитель, вор?», – вот что приходит первоначально на ум ошарашенному таким зрелищем человеку, но это был не грабитель, а вполне законопослушный и не знакомый Надежкину гражданин, тем более что в трусах грабители «работают» крайне редко.

В следующий момент Надежкин уже все понял. «Нет! Не может быть! Только не это!», – молнией пронеслось в голове. «Уж лучше бы он оказался грабителем!». Ведь братство у них все равно было нечего. Пылесос только готовился стать самой ценной вещью в их доме.

Как впоследствии выяснилось и трусы, и хромовые сапо-

ги принадлежали прапорщику расквартированной в их городишке воинской части, который собирался сигануть с третьего этажа, но оказался тонок кишкой.

В тот же день Надежкин, с горечью в душе осознав, что стал героем не самого лучшего анекдота, съехал с собственной квартиры, оставив пылесос в ней. Два месяца он прожил в лаборатории на объекте, а потом покинул родной город навсегда, практически в чем мать родила, вдобавок обремененный алиментами, которыми его наградили подсуетившаяся дражайшая супруга и родное государство.

Только спустя довольно продолжительное время, постепенно придя в себя от случившегося, уже не стыдясь этого, он все рассказал своему однокурснику по институту, с которым судьба свела его на отраслевом семинаре во Владивостоке. Кстати сказать, однокурсник был непростой. Он в свое время был свидетелем на их свадьбе на пятом курсе института и, может быть, поэтому пользовался особым расположением Надежкина.

– Об одном жалею, что не оказалось у меня бутылки водки под рукой, – сказал Надежкин, закончив свое повествование о разводе и его причинах.

– Что, так бы ею и размозжил ему череп? – в ужасе воскликнул бывший свидетель бракосочетания.

– Нет, зачем? Налил бы ему полный стакан, пусть бы выпил, гад!

АЭРОПОРТ

Будучи в командировке и оказавшись проездом в Новосибирске, Алексей обрадовался подвернувшемуся случаю повидаться со своим институтским другом, с которым не виделся уже более десяти лет. Его самого судьба забросила далеко на Север, а Юрка сумел остаться в Новосибирске, «подженившись» после развода с первой женой на местной женщине с ребенком и получив прописку.

Они изредка переписывались и таким образом не потеряли связи. Юрка в своих письмах делился подробностями своего бурного развода с первой женой Ирой, которую Алексей

прекрасно знал, так как был свидетелем на их свадьбе на пятом курсе института.

Устроившись поудобнее в трамвае до боли знакомого маршрута, Алексей двинулся в сторону НИИ метрологии, в котором подвязался Юра на встречу с ним сюрпризом. Невольно им овладели воспоминания сравнительно недавно ушедшей студенческой жизни. Алексей очень желал этой встречи. Он считал Юру своим другом, ему не терпелось обменяться воспоминаниями о студенческой жизни, которая, казалось, совсем недавно закончилась. Дружба у них была странная и базировалась исключительно на обоюдной любви к радиолюбительству. В остальном они были полной противоположностью друг другу.

Родители Юры были небедными людьми. Отец служил в Семипалатинске, а мать работала директором детского сада, но деньгами они его не баловали. От случая к случаю, бессистемно, высылали ему то пять, то десять рублей. Поддерживая его в таком полуголодном состоянии, они руководствовались тем принципом, что голодный человек более работоспособен, чем сытый, а это очень важно при учебе в высшем учебном заведении. Алексей, в отличие от Юры, имел от своих родителей стабильный месячный доход в размере семидесяти рублей. Это еще более тянуло Юру к Алексею, который не был жадным и частенько спонсировал Юру без возврата.

Находясь в постоянной нужде, Юра не брезговал и об-

носками. Когда родители Алексея высылали ему обновку, друг донашивал старое пальто или ботинки. Кроличья шапка в семидесятые годы приравнивалась едва ли не к норковой и стоила на барахолке немислимых денег, вплоть до пятидесяти рублей. В связи с этим Юра «вынашивал» шапку Алексея до тех пор, пока она не становилась полностью кожаной и лоснящейся на солнце, будто только что отполированный ваксой ботинок. Кстати, это вовсе не смущало его: в таком виде ухаживал за девушками, хотя особым успехом у них и не пользовался.

Имея вздорный характер и находясь в состоянии «подвыпимши» Юра был нехорошим человеком. Он любил пристать в трамвае к какому-нибудь, такому же подвыпившему, как и сам, мужику с вопросом:

– Товарищ, вы знаете, чему равна дивергенция ротора?

Мужик, естественно, отвечал на этот вопрос прямо и конкретно:

– Пошел ты на...

Но Юра не успокаивался:

– А расходимость вихря чему равна? Ах, вы и этого не знаете? Как вам не стыдно! Вы ведете убогий образ жизни, если не знаете таких простых вещей. Если бы вы в свободное от выпивки время изучали теорию электромагнитного поля, то знали бы, что это одно и то же... И в обоих случаях равна нулю. Вы, сударь, ничтожество!

В таких случаях Алексей предпочитал держаться подаль-

ше от собеседников, чтобы и ему не досталось от товарища, которого «интервьюировал» друг. Иногда Юра получал ответ в виде синяка под глазом и наутро удивлялся, прощупывая его:

– Откуда он взялся?

Еще хуже, когда Юра «перебирал». Патологическое влияние алкоголя на его психику не имело границ и почти всегда заканчивалось дракой. Поводы он находил самые экзотические. Как только его кровь насыщалась определенной дозой алкоголя, а состояние доходило до необходимой кондиции, Юра уже не узнавал тех, с кем начинал трапезу. Он мог вlepить в лицо любому из собутыльников, что всегда являлось полной неожиданностью для них. Ни с того, ни с сего вдруг подносил свою левую грязную ладонь с растопыренными толстыми пальцами, заканчивающимися фалангами размером с мелкое куриное яйцо, к лицу собеседника. Партнер по застолью, ничего не понимая, продолжал соображать: что бы это значило? И пока он, находясь под алкогольными парами, долго соображал, Юра успевал правой рукой с силой оттянуть средний палец левой руки и смачно припечатать его ко лбу собутыльника.

Когда коллеге становилась понятной вся глубина идеи, заложенная Юрой в этом жесте, он уже навзничь летел с табуретки со стаканом вермута в одной руке и наколотой на вилку килькой – в другой.

На этом культурное употребление алкоголя заканчива-

лось, и начиналась бескультурная драка. В состоянии опьянения боли Юра не чувствовал. Он как будто отключал себя от реальности. Глаза вращались, как у хамелеона, с выражением полной тупости. Взывать к его совести в этом состоянии можно было с таким же успехом, как и призывать футбольных фанатов соблюдать «гробовую» тишину во время матча, чтобы не мешать футболистам думать над их «хитроумными» комбинациями.

Все, кто знал об этих «маленьких слабостях» Юры, никогда не садились с ним выпивать. Максимум, что можно позволить себе в компании с ним, это первая рюмка, а потом необходимо было срочно откланяться.

«Выпимши», Юра очень любил спеть застольную песню. Поставив локоть на стол, сжав кисть в кулак, он приспособивал на нем свой подбородок и, слегка прикрыв глаза, затягивал свою любимую песню на все времена, состоящую из пяти куплетов:

– «Славное море, священный Байкал...».

Горе тому, кто не знал слов этой песни или, взявшись подпевать, забывал уже начало второго куплета, который начинался такими словами:

– «...долго я тяжкие цепи влачил...».

Очень серьезная провинность, за которую Юра жестко наказывал невезучего собутыльника ударом в «морду лица».

Однажды и Алексей, забыв об этой его «слабости», едва не поплатился за свою оплошность. Когда они вдвоем

нестройными голосами затянули эту, не слишком веселую, но такую любимую Юрой песню, Алексей с ужасом почувствовал, что забыл ее слова и споткнулся на второй строчке третьего куплета. Юра неодобрительно повел бровями. Холлодок ужаса пробежал по спине Алексея.

«Ну, сейчас начнется! Ведь знал же, что петь придётся. Мог бы и повторить слова перед застольем. Желание поскорее выпить оказалось сильнее. Теперь держись за все, что можно», – корил себя Алексей. Чтобы избежать наказания за свою забывчивость он принялся с таким рвением петь последние две строчки каждого куплета, которые повторялись, что это, видимо, зачлось Юрой ему в актив, и он не успел озвереть.

– «...Хлебом кормили крестьянки меня, парни снабжали махоркой...», – орал Алексей во всю глотку, стараясь перекричать запевалу и тем самым реабилитироваться. Еле-еле дотянув песню до конца, облегченно вздохнул. «Только бы не затянул следующую, пока я не ретировался. В той я уж точно ни одного слова не знаю. Быть мне битым».

Однажды они вдвоем возвращались с танцев в общежитие. На остановке автобуса стояла группа нехилых взрослых мужиков. Нисколько не стесняясь их грозного вида, Юра напрямик направился к ним, чтобы поинтересоваться: слышали ли они что-нибудь про «расходимость ротора»? Минуту на размышление мужики не стали брать. Видимо, ответ они уже знали, и он последовал сразу же. Они подбросили

Юру в воздух и не давали ему опуститься на грешную землю до тех пор, пока били его, как кожаную боксёрскую грушу.

Алексей бегал вокруг и умолял их остановиться. «Хватит с него, хватит...». Мужики приняли решение согласиться с ним: ведь Юра ничего им не сделал, а только озадачил их. Они прекратили бить Юру, и тот, наконец-то, приземлился, но продолжал лежать, не шевелясь. Мужики повернулись к нему спиной, посчитав, что вопрос исчерпан, и принялись снова ожидать автобус. Алексей кинулся к Юре и с трудом установил его на ноги. Приняв вертикальное положение, Юра покачивался, неизвестно от чего больше: то ли от опьянения, то ли от побоев.

Один из мужиков, стоявший к ним спиной, закурил папиросу... Это было его роковой ошибкой. Ведь он пребывал в неведении, с кем связался. Никогда не следует забывать про то, что у тебя нет глаз на затылке. Это может очень дорого стоить.

Алексей не успел ничего сообразить, как Юра, оттолкнув его, в два прыжка подскочил сзади к этому самому здоровенному мужику, на голову выше его самого, и нанес ему в затылок такой силы удар, что мужик едва не проглотил горящую папиросу. Его такая же поношенная, как и у Юры, кроличья шапка исчезла под колесами проезжавшей мимо машины, а расслабленная голова болтанулась так, что едва не отлетела на проезжую часть вслед за ней. Мужик взвыл, как Кинг Конг.

Тут Алексей понял, что теперь будут бить их обоих, и бросился наутек. Бегал он очень быстро, и это его спасло. Одним словом: Юра был хулиганствующим элементом эпохи развитого социализма – без пятнадцати суток человеком.

Несмотря ни на что, Алексей пытался разглядеть в Юре что-то доброе и человеческое. Даже жалел, что тот постоянно нуждался. Его дикие выходки списывал на патологическое неприятие алкоголя. Одним словом, как мог, берег дружбу, ибо поговорить на тему радиолюбительства больше не с кем, а эта тема занимала значительную часть его личной жизни.

Остепенился Юра только во втором браке. Первый его брак с Ирой распался долго и мучительно. Свадьба состоялась в только что открывшейся гостинице «Обь» и одноименном ресторане при ней. Поймав на дороге такси, они съездили в общежитие за невестой, расписались по пути в ЗАГСе и напрямик поехали в ресторан. Столик был заказан на пятерых. По такому случаю Юра опять занял у Алексея двадцать пять рублей, из которых потом вернул пятнадцать, а когда Алексей вечером пересчитал деньги, то их там оказалось всего десять. Алексей «смыл» и этот факт. Ведь он очень дорожил дружбой, которая не покупается.

Кроме брачующихся и свидетелей прямо с вокзала к торжеству подъехала мама невесты. На обратную дорогу до общежития едва хватило средств. Родители Юры были не в восторге от его выбора и поэтому проигнорировали всю

свадьбу вместе с ее расходами. Подруги невесты, которые не были приглашены на свадьбу из соображений экономической целесообразности, тактично освободили от своего присутствия комнату в общежитии для совершения «тайнства» брачной ночи. Вся свадьба в полном составе из четырех человек и прибыла в эту «девичью». Выпив остатки того, что удалось прихватить со свадебного стола, все расслабились.

Юра отлучился, оставив Алексея развлекать невесту, а теперь уже собственную законную супругу со свидетельницей, которая, перебрав лишка, все лезла к Алексею с поцелуями. Он даже обрадовался, когда Ира попросила его поискать по общежитию мужа. Искать его долго не пришлось. Супруг Иры был обнаружен им на плоской крыше их общежития в самом неприглядном для такого случая виде – с молодой первокурсницей. Алексей был в шоке.

Надо сказать, что Ира, хотя и не узнала этого факта, но, сама того не ведая, некоторое время спустя отблагодарила Юру той же звонкой монетой и показала ему, что такое настоящая «расходимость вихря».

Устав от Юриных залетов, Ира завела служебный роман с начальником, несмотря на то, что успела родить от Юры ребенка. Юра был в бешенстве, когда убедился в том, что это все серьезно, и любовь у них полыхает вовсю. Восемнадцать без малого лет алиментов замаячили на горизонте. Тут Юре уже стало не до песнопения про Байкал! Забрав ее и ребенка, он сменил место жительства и переехал к родителям, ко-

которые к этому времени перебрались в трехкомнатную квартиру в Донецке.

Родители Юры почувствовав, что грозит их сыну при разводе, заткнули свою гордыню подальше и дали добро на совместное проживание с нелюбимой невесткой.

Казалось, все нормализуется. Они уехали очень далеко, время лечит, и так далее. Юре помогли устроиться инспектором электросвязи, в обязанности которого входило изъятие радиоаппаратуры у радиохулиганов. Юра с этим справился блестяще. Квартира быстро наполнилась конфискатом – и не только в виде орудий преступления – радиопередатчиками, но и другой электроникой изъятый у невезучих завсегдаев эфира.

Жизнь, по мнению Юры, постепенно налаживалась, но в один из тихих семейных вечеров, который «дружная» семья проводила дома, в дверь тихо постучали. Ира сама пошла открывать дверь. Через две минуты она влетела в комнату и стала в немислимом темпе собирать личные вещи.

На лестничной клетке остался ожидать Иру с ребенком ее бывший начальник, он же любовник, который смог бы отыскать и иголку в стоге сена, а не то что любимую женщину в необъятной стране. Следуя терминологии любимого Юрой бокса – он пропустил от любовника супруги самый мощный в боксе удар – «хук», от которого отправился «отдыхать» в нокаут.

Придя в себя Юра пытался вернуть Иру и даже снова пе-

ребрался жить в Новосибирск, но безрезультатно. Тогда, может быть, впервые в жизни, он почувствовал необходимость кому-нибудь высказаться. Он написал Алексею письмо с подробностями расставания с Ирой. Алексей ошибочно увидел в этом подтверждение нерушимости их дружбы и особого доверительного отношения Юры к нему.

Сказать, что Юра выказал восторг от этой неожиданной для него встречи с Алексеем, увидев того на проходной института, не совсем соответствовало бы действительности. Алексей обманулся в ожиданиях. Не так он представлял себе их встречу спустя десять лет. Реакция Юры наводила на мысль: разведясь с Ирой, тот решил исключить из своей дальнейшей жизни все, что было прямо или косвенно связано с ней. Включая и его самого.

Время было обеденным, и они направились к дому Юры пешком. По дороге Юра поделился с Алексеем деталями материального благополучия свой нынешней жизни, чем несказанно удивил Алексея. Оказалось, что для этого вовсе не обязательно ехать на Крайний Север.

Зарплата сотрудника НИИ не позволяла жировать, но Юра имел природную способность находить подработку. Сначала он выучился играть на бас гитаре и подрабатывал вечерами в кафе. Это занятие кормило, но не давало возможности шиковать. К этому времени англичанин Синклер изобрел свое детище, которое в корне изменило образ жизни неизвестного ему Юры из далекой Сибири, дав ему не толь-

ко столь желаемый материальный достаток, но и повысив самооценку. Юра мертвой хваткой уцепился за эту возможность разбогатеть и взялся изготавливать в кустарных условиях – прямо в квартире – первые компьютеры Синклера «ZX Спектрум». Сейчас это трудно представить, но люди буквально «шалели» от примитивного, по нынешним временам, «гаджета». Единственно доступного для обывателя. Никто не собирался использовать его по прямому назначению и что-то там программировать на нем. С простого бытового кассетного магнитофона закачивалась программка – и все. На экране телевизора появлялась картинка-заставка очередной закордонной игрушки-«стрелялки», приводившей в телличий восторг обладателя этой диковинки.

В кооперации с такими же единомышленниками, как и он сам, Юра сумел наладить выпуск и сбыт этих компьютеров. Новосибирск – город электроники. Достать там радиодетали не представляло никакого труда. Кругом – радиозаводы! Самый знаменитый из них – Бердский радиозавод, который выпускал бытовую радиоаппаратуру. Например, незабвенную «Вега-101», совершившую переворот в качестве воспроизведения грампластинок на просторах СССР.

Цена самопального компьютера кусалась, но желающих было хоть отбавляй. Полторы тысячи рублей за штуку останавливали далеко не всех. Дела у «Юры энд компани» шли неплохо. Со свойственным ему чувством превосходства он продемонстрировал Алексею заготовки будущих компьюте-

ров по самым скромным оценкам на сумму более десяти тысяч рублей. Алексей таких денег и в руках никогда не держал, несмотря на то, что не первый год проживал на Севере. Тем не менее, он был искренне рад за Юру: не опустил после развода, остепенился, оставил в прошлом свои «залеты», смог найти себя во втором браке и так раскрутиться.

Поедая яичницу из изрядно притухших яиц, которой Юра угостил Алексея за все то доброе, что тот сделал для него в молодости, они услышали звонок в дверь.

Юра долго шептался с кем-то в коридоре. По отрывкам фраз у Алексея в голове непроизвольно сложился смысл их беседы. Посетитель пытался втридорога всучить Юре новую резину для автомашины «Жигули». Тот торговался.

– Юра, а почему же ты мне сразу не сказал, что у тебя машина? И не просто машина, а «Жигули» последней модели! – восторженно спросил Юру Алексей, когда тот вернулся на кухню. – Скромняга! Что-то раньше я за тобой этого не замечал. Ну, давай, хвались!

– Знаешь, Леша, я не хотел тебе говорить о машине, чтобы ты не попросил отвезти тебя в АЭРОПОРТ!

БРОЙЛЕРЫ

Подойдя к дверям своего кабинета, начальник технического отдела застал всех сотрудников, толпящихся у входа.

– В чем дело, коллеги? Почему не на рабочих местах?

– Мы отказываемся работать в таких условиях, – с нескрываемым раздражением в голосе ответила за всех Люся Ковтун. – Находиться в одном помещении с Чубичем невозможно из-за запаха, который исходит от него. Мы терпели до последнего. Меня уже этот запах преследует дома. Вся одежда, которую я ношу на работу, пропахла. В собствен-

ной квартире не нахожу себе места. Дезодоранты не помогают. При смешении запахов они вызывают еще большую реакцию, вплоть до рвоты. Что это такое? Чем от него воняет? Зайдите к нам в кабинет.

– Зачем, я и отсюда очень хорошо «слышу» ароматы гладиолусов.

– Вообще-то, нам не до шуток. Сколько это можно терпеть! Мы ему неоднократно говорили, что от него пахнет.

– Пахнет? Мне не послышалось?

– Извините, воняет. Я хотела помягче выразиться.

– Может быть, наказать его лишением премии? – предложил один из сотрудников отдела.

– За что? В положении о премировании нет такого, чтобы за запах, исходящий от работника, лишали прогрессивки. Сначала надо исправить положение о премировании. Комиссионно определять: воняет от вас или нет. Если да, лишаетесь части премии, а если запах нестерпимый, то на все сто процентов. Шутка! Хорошо, – сдался начальник. – Попробую провести с ним последнюю беседу. Сделаю ему очередное китайское предупреждение.

– Нет, не надо китайского. Вплоть до отселения из отдела, найдите ему место.

– Ладно, зовите его сюда.

Когда Чубич вошел, начальник сморщился:

– Толя, я прошу тебя, заканчивай! Впору давать команду «Газы»! Это уже не шутки! Народ не успокоится! В лучшем

случае побьют сначала тебя, потом меня, а я этого не хочу. Даю два дня для отгулов за прогулы. Сходить в баню, отмыться, все перестирать. Вплоть до шнурков. На работу через мой кабинет. Пока не обнюхаю, в отдел ни ногой. Если я тебя не убедил, переносим разговор в другие инстанции. Опозорю, так и знай. Мне даже мужики жаловались, что с тобой в соседних писсуарах рядом стоять невозможно.

Ему казалось, что Чубич этого испугается. Обязан был испугаться, но начальник переоценил свое влияние. Когда за сотрудником с «душком» закрылась дверь, чертыхнулся:

– Чтоб тебе кисло стало. Пожилой человек – не мальчик, скоро пенсия. Довести ситуацию до такого! Времена на дворе перестроечные. Всем тяжело. Страна становится на рыночные рельсы, пока только одним колесом. Шпалы уложены через одну. Да и рельсы еще не везде. Всем трудно, но у тебя есть работа. Платят регулярно. Не последний кусок доедаешь.

Увещевания успеха не имели, хотя Чубич и был мягким, покладистым человеком. Когда он с кем-то не соглашался, то думал об этом прямо ему в глаза.

В качестве наказания начальник отсадил Чубича из отдела. В помещении кросса, где стояло оборудование связи, ему установили стол и телефон. На отдельный кабинет это не было похоже. В кроссе постоянно толкались монтеры и другие технари не слишком чувствительные к запахам, как женщины из отдела, ибо и сами благоухали не «Шанелью номер

пять», а шинелью, но все равно старались без надобности кросс не посещать. Начальник надеялся, что это ему надоест, он отмоется и вернется в отдел.

На рынке продавали суточных цыплят прямо из кузова бортовой машины. Торг шел бойкий. Люди брали помногу. Цена всех устраивала. Толик Чубич поинтересовался у продавца: «Что с ними делают?»

– Это бройлеры для домашнего выращивания на мясо.

– Как для домашнего? Галочка, ты слышала? – обратился он к супруге.

– А сколько они вырастают в домашних условиях?

– Как сколько? Это же бройлеры до трех килограмм.

– А за какое время? – не унимался Чубич.

– Ну, это как будешь кормить, но за пятьдесят дней вымахают в любом случае – мама, не горюй!

«Если взять штук тридцать да каждый по три килограмма меньше чем за два месяца...», – он умножил в уме и получил совершенно немыслимую цифру. – «Почти центнер!».

– Галочка, давай возьмём. Я сам буду хлопотать.

Галочка недолго думала, когда он озвучил ей результат своего умножения.

В магазинах – шаром покати. Чубичи – люди прижимистые, экономика для них не была пустым звуком. Жили бы они в частном доме, то уж точно собирали палочки от мороженого к зимнему отопительному сезону.

– Слушай, Галюнчик! Говорят, куриный помет – очень хорошее удобрение. Двойная польза, а если парочку несушек оставить, то и с яичками своими будем, а яичная скорлупа и чайная заварка, опять же, – хорошее удобрение для дачи. Как раз к весне и с мясом, и с удобрением будем, а там уже что-то и с дачи пойдет. Проживем!.

«Таможня дала добро»! Сбегав к обувному магазину, он притащил коробку и упаковал в нее 30 штук суточных цыплят. Когда ему их отсчитывали, он пытался, как всегда, жлобствовать – выбирать покрупнее, но потом понял, что это бесполезное дело. Они все были как под копирку. Довольные собой, они с «Галюнчиком» и цыплятами на трамвае приехали домой в однокомнатную квартирку.

Закончив первый этап своего нового проекта, засели за бизнес-план с карандашом в руках и счетами, которыми Галюнчик отлично владела как бывший бухгалтер. Уточнили предварительные расчеты, проведенные на базаре в уме. Результаты расчетов оказались более чем оптимистичными. Даже при отходе в тридцать процентов останется двадцать штук. Умножаем на три и получаем шестьдесят кило высококалорийного легкоусвояемого диетического мяса. И все за копейки. Год питаться! Магия цифр сыграла роль.

Надо срочно покупать кулинарную книгу и готовить рецепты куриных блюд. Повседневное меню из кабачков и тыквы, которым его «баловала» дражайшая супруга, обещало немислимое разнообразие. Он представил себе прозрачный,

как слеза, куриный бульончик из домашней курочки с плавающим по его поверхности укропчиком, вареным яичком и поджаренными сухариками и чуть было не захлебнулся слюной. На мгновение перехватило дух. Про другой дух от куриного помета ни он, ни Галюнчик не вспомнили, а напрасно.

Находясь под впечатлением «удачной» сделки, он позволил своему начальнику, с которым дружил. Радостный.

– Теперь не пропадем! Галочка сказала, что еще и подушки сделаем из перьев. Хватит на ватине спать. Поживем как люди. Ты как, может, тоже прикупишь? Исключительно выгодное дело! Советую.

Начальник аж присел от услышанного. От этого бреда.

Но тот продолжал:

– Мясо, пух, помет, яйцо, скорлупа – все пойдет в дело. Да!

– А кости?

– Какие кости?

– Про кости куриные ты забыл? Ты что с ума сошел, обглодал косточку и выбросил. Не по-хозяйски! Надо тогда и собаку завести, точнее собачку малюсенькую, пекинеса, шпица, чихуахуа или йорка. Чтобы ни одна косточка не пропала зря. С пухом это ты перебрал. Курица пух не содержит. Это водоплавающие птицы содержат пух. Ты спутал курицу с гагой. И вообще, если через неделю не подохнут, то покупай бязь, сатин и наволочки начинай шить! Перьевая подушка

тоже не плохо, все равно лучше, чем ватная. А почему только подушки, не замахнуться ли и на перину? Хватит вам бочка отлеживать на раскладном диване. Поживете как люди! – продолжал ерничать начальник в надежде на то, что он все-таки неправильно понял его, и все можно свести к юмору.

– Да, да! Вот и Галюнчик говорит, что поживем как люди!

– Ладно, будем считать, что шутка удалась! Пошутили и хватит. Какого еще домашнего выращивания? Это имеется в виду на приусадебных участках, в частных домах, а не в квартирах. Ты что, ошалел? Из квартиры курятник делать. Если же ты все это серьезно, то извини, я могу сделать вывод не в твою пользу. Прости, мне некогда.

Толик замолчал. Неразделенный восторг слегка огорчил его, но не поколебал решимости доказать свою правоту.

Начальник же долго не мог успокоиться, положив телефонную трубку. Да, жлобством они с Галюнчиком отличались. Она была постарше его и пожестче. Он же, наоборот, и внешне, и внутри был безобидным, находился под полным ее влиянием или просто «под каблуком». Он на хорошей должности, она не работает, имеет хорошую пенсию. Ни детей, ни внуков. Все на себя. Точнее ни на себя, ни на кого. Живут на подножном корме с дачи. Деньги не тратят. Эта сумасбродная идея с курятником в квартире выглядит как закономерный итог образа жизни. Как попытка полной «автономки» в расходах на питание. Для чего? В чем глубинный смысл затеи?

Про разговор с начальником Толик Галочке ничего не сказал, высыпал цыплят в ванну. Санузел у них был совмещенный.

Коробку они уже уделали, и он ее, брезгливо скомкав, засунул в мусорное ведро. «Собирать помет рановато, жидковат и маловато. Не бритвой же его счищать и в пробирки собирать. Буду собирать, когда погустеет маленько. Подрастут слегка и погустеет. Не будут же они постоянно дристать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.